

Патроева Наталья Викторовна

СТИХОТВОРЕНИЕ Е. А. БАРАТЫНСКОГО "НЕДОНОСОК" И РУССКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье представлен новый взгляд на литературные и биографические источники образной системы стихотворения Е. А. Баратынского "Недоносок", а также воссоздается история бытования "прозаизма" "недоносок" в русской поэзии XIX-XX вв. на материале лирических произведений А. С. Пушкина, П. А. Вяземского и Н. А. Заболоцкого. Лексема "недоносок" анализируется с точки зрения богатого ассоциативного потенциала и интертекстуального "ореола", формирующих индивидуально-авторскую картину мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 153-158. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

6. **Agricola E.** Wörter und Wendungen // Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig: VEB bibliographisches Institut, 1968. S. 240-241.
7. **Deutsches Universalwörterbuch** / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. D. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim – Wien – Zürich: Bibliographisches Institut, 1988. 1816 S.
8. **Die Bibel** (nach der Übersetzung Martin Luthers) // Lutherbibel Standardausgabe, deutsche Bibelgesellschaft Stuttgart, 1985. 1292 S.
9. **Eucken R.** Geschichte der philosophischen Terminologie. Im Umriß dargestellt. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1879. Hildesheim: Georg Olms, 1960. 226 S.
10. **Görner Z., Kempe G.** Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Wiesbaden: Drei Lilien Verlag, 1987. 643 S.
11. **Heidegger M.** Sein und Zeit, 14 Auflage. Tübingen: Max Niemeyer, 1993. 445 S.
12. **Hitlin S.** Moral selves, evil selves. The social psychology of conscience / first edition, USA, 2008. 269 S.
13. **Kant I.** Kritik der praktischen Vernunft // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М.: Московский философский фонд, 1997. Т. III. 736 S.
14. **Kähler M.** Das Gewissen. Die Entwicklung seiner Namen und seines Begriffes: geschichtliche Untersuchung. Halle: Julius Fricke, 1878. 338 S.
15. **Kluge F.** Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 1995. 905 S.
16. **Paffen K. A.** Deutsch – Russisches Satzlexikon. Leipzig: VOB Verlag Enzyklopädie, 1969. Band II.
17. **Schopengauer A.** Über die Grundlage der Moral. Herrsching: Manfred Pawlak, 1977. 189 S.
18. **Stoker H. G.** Das Gewissen: Erscheinungsformen und Theorien. Bonn: Cohen, 1925. 280 S.

ON PROGRAMME OF COMPLEX RESEARCH OF CONCEPT “CONSCIENCE”

Otarova Leilya Iliyosovna

Pyatigorsk State Linguistic University

leila07_87@mail.ru

The author researches the concept “conscience”, i.e. the unit of social-cultural meaning, for which it is necessary to determine the means of its linguistic representation and its correlation in the phenomena of life, describes the history of the word and concept *conscientia* (“conscience”) from Christian antiquity till the present days, pays special attention to the German word *Gewissen* in history and its variations in German philosophy, defines “conscience” as the general concept of Christian Europe, and compares it with language expression “the situation of conscience” in the Karachai-Balkar language.

Key words and phrases: concept; phenomenon; conscience; ethics; conscience; morality.

УДК 8.411.2-7

Филологические науки

В статье представлен новый взгляд на литературные и биографические источники образной системы стихотворения Е. А. Баратынского «Недоносок», а также воссоздается история бытования «прозаизма» «недоносок» в русской поэзии XIX-XX вв. на материале лирических произведений А. С. Пушкина, П. А. Вяземского и Н. А. Заболоцкого. Лексема «недоносок» анализируется с точки зрения богатого ассоциативного потенциала и интертекстуального «ореола», формирующих индивидуально-авторскую картину мира.

Ключевые слова и фразы: лексема «недоносок»; русская поэтическая традиция; «прозаизм»; поэтическая лексика; аллюзия; реминисценция.

Патроева Наталья Викторовна, д. филол. н.

Петрозаводский государственный университет

nvpatr@list.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ Е. А. БАРАТЫНСКОГО «НЕДОНОСОК» И РУССКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ©

*Исследование выполнено в рамках реализации комплекса мероприятий
«Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012-2016 гг.».*

Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место, бесспорно, принадлежит г. Баратынскому.

В. Г. Белинский [4, с. 479]

Стихотворение Е. А. Баратынского «Недоносок», написанное и напечатанное в 1835 году, а позже вошедшее в известный философско-поэтический цикл «Сумерки» (1842 г.), принадлежит к числу самых загадочных в русской лирике «золотого века»:

Я из племени духов,
 Но не житель Эмпирея,
 И, едва до облаков
 Возлетев, паду, слабея.
 Как мне быть? Я мал и плох;
 Знаю: рай за их волнами,
 И ношусь, крылатый вздох,
 Меж землей и небесами.
 Блещет солнце: радость мне!
 С животворными лучами
 Я играю в вышине
 И веселыми крылами
 Ластюсь к ним, как облачко;
 Пью счастливо воздух тонкой:
 Мне свободно, мне легко,
 И пою я птицей звонкой.
 Но ненастье заревет
 И до облак, свод небесный
 Омрачивших, вознесет
 Прах земной и лист древесный:
 Бедный дух! ничтожный дух!
 Дуновенье роковое
 Вьет, крутит меня, как пух,
 Мчит под небо громовое.
 Бури грохот, бури свист!
 Вихорь холодный! Вихорь жгучий!
 Бьет меня древесный лист,
 Удушает прах летучий!

Обращусь ли к небесам,
 Оглянусь ли на землю –
 Грозно, черно тут и там;
 Вопль унылый я подъямлю.
 Смутно слышу я порой
 Клич враждующих народов,
 Поселян беспечный вой
 Под грозой их переходов,
 Гром войны и крик страстей,
 Плач недужного младенца...
 Слезы льются из очей:
 Жаль земного поселенца!
 Изнывающий тоской,
 Я мечусь в полях небесных,
 Надо мной и подо мной
 Беспредельных – скорби тесных!
 В тучу кроюсь я, и в ней
 Мчуся, чужд земного края,
 Страшный глас людских скорбей
 Гласом бури заглушая.
 Мир я вижу, как во мгле;
 Арф небесных отголосок
 Слабо слышу... На земле
 Оживил я недоносок.
 Отбыл он без бытия:
 Роковая скоротечность!
 В тягость роскошь мне твоя,
 О бессмысленная вечность [2, с. 181-182]!

Далекое от традиционной поэтической фразеологии «школы гармонической точности», а потому сразу останавливающее на себе внимание читателя слово «недоносок» в тексте Баратынского используется в качестве заглавной номинации и повторяется затем в заключительной строфе, так что обе позиции оказываются подчеркнутыми, акцентированными по смыслу. Поскольку сразу после заглавия местоимение «Я» отсылает читателя к странному существу «из племени духов» (лирическому «я» в стихотворении Баратынского соответствует необычный внутренний субъект!), метонимически, по смежности в структуре сообщения, название поначалу ассоциируется в сознании потенциального внешнего адресата, прежде всего, с именем этого существа. Только в концовке стихотворения, начинающейся как-то неожиданно с середины стиха после многоточия: «...На земле...», – заглавная номинация повторяется, при этом изменяя свою референтную отнесенность: «недоносок» (по словам Е. Лебедева, «беспощадное по объективности определение» [10, с. 148] – приговор «сумеречного» духа своему единственному творению в мире) оказывается теперь «отбывшим без бытия» земным созданием.

По поводу этого загадочного стихотворения Баратынского в русской критике высказывался целый ряд предположений и нередко противоречивых суждений. Так, Б. В. Томашевский отмечал, что тема стихотворения была подсказана Баратынскому сонетом французского поэта Эно «Sonet sur avorton» (*l'avorton* по-французски означает и «рожденный до срока», и «мертворожденный»), причем Томашевский настаивал на чисто словесном характере заимствования – семантическом калькировании галлицизма, в терминах современной лингвистики [2, с. 368].

И. М. Семенко считала, что в вызревании творческого замысла Баратынского «гораздо более значительную, можно сказать – решающую, роль сыграло другое произведение. Но – в полемическом плане... Это – ода Державина «Бог»...» [15, с. 258]. Если «промежуточность», «срединность» положения человека в мироздании лирического героя Г. Р. Державина вполне устраивает («почтенна» для него), то для Баратынского она же – источник страдания, неудовлетворенности бытием, космической по масштабу трагедии, разворачивающейся перед взором читателя в метаниях «ничтожного духа», в его щемящей сердце исповеди. Символизированное в ненужном и лишнем для неба и земли существе, нигде не находящем себе покоя и пристанища, вселенски неприкаянном и одиноком, наивно-инфантильном и при этом беспощадно честном в сознании собственного бессилия перед природными катаклизмами и общественным злом, человеческое сознание олицетворяет собой крах и просветительской веры в безграничные возможности разума, и романтических иллюзий относительно величия творящего духа (ср. с образом всесильного поэта-демиурга в лирике А. С. Пушкина [17, с. 197]). «Дух» «мал и плох», слаб, ущербен и себе же в названии бессмертен («В тягость роскошь мне твоя, О бессмысленная вечность!»). Подобную трактовку вдумчивым читателем образа странного существа вполне подтверждает присутствовавшая в первоначальной, журнальной публикации «Недоноска» [11, с. 256] строфа, следовавшая после первой:

Весел я небес красой,
Но слепец я: в разуменье
Мне завистливой судьбой
Не дано их провиденье.
Духи высшие, не я,
Постигают тайны мира,
Мне лишь чувство бытия
Средь пустых полей эфира.

С. Г. Бочаров замечает, что можно понять «земного недоноска как мертворожденного, но, может быть, здесь говорится о роковой скоротечности человеческой жизни. Так или иначе, но несомненно, что название недоноска метафорически переносится с земного человека на самого бессмертного духа и становится символическим ступком значений этого странного образа» [5, с. 281]. По мнению И. М. Тойбина, «в центре стихотворения – метафорический образ Недоноска, существа, олицетворяющего духовное начало...» [18, с. 101].

Приведенные выдержки из работ исследователей творчества Баратынского свидетельствуют о том, что больше внимания авторы критических разборов сосредоточили на образе странного «духа»-«недоноска». Земное же его создание специальной сколько-нибудь подробной интерпретации в качестве художественного персонажа целостной символической системы стихотворения и – шире – цикла «Сумерки» не подвергалось. Между тем суть оживленного лишь на миг и «отбывшего без бытия» лирического образа представляется не менее важной для понимания творческой истории произведения Баратынского. С одной стороны, вполне естественным было бы согласиться с трактовкой «недоноска» как «мертворожденного» (соглашаясь с предложением Б. В. Томашевским этимологией) представителя рода человеческого. С этой же ипостасью «недоноска» соотносится образ плачущего на земле «недужного младенца», по которому «слезы льются из очей» у «ничтожного духа». Кроме того, если иметь в виду некоторые события личной жизни автора стихотворения, о которых читатель Баратынского может узнать из эпистолярного наследия поэта, то с этими биографическими эпизодами подобная интерпретация образа сотворенного «бедным духом» земного создания также легко ассоциируется. Так, в письме П. А. Вяземскому (летом 1829 г.) Баратынский с горечью признается: «Не заключите из моего долгого молчания, что вы сколько-нибудь вышли из моей памяти. Причина его была потеря моей меньшей дочери, которая на некоторое время привела меня в совершенное уныние. Потеря ребенка не есть великая потеря, но она живо напоминает возможность утрат важнейших, и эта смерть, которая так неожиданно, так невозвратно похищает у нас то, что мы любим, долго не выходит из памяти. Смерть подобна деспотической власти. Обыкновенно она кажется дремлющею, но от времени до времени некоторые жертвы выказывают ее существование и наполняют сердце продолжительным ужасом» [3, с. 183]. Тот же ужас охватывает и существо «из племени духов», когда он вспоминает «земного поселенца».

С другой стороны, вполне адекватным художественному заданию «Недоноска» представляется трактовка пребывающего в постоянных метаниях, вечном беспокойстве и неудовлетворенного собой, миром и своим творением на земле «духа» в качестве поэта-демиурга, честно отдающего себе отчет в «бесталанливости» (подобно пушкинскому «недоноску»), ограниченности дарования и мучительно понимающего бесплодность творческих усилий и «безотзывность» поэтического слова, которое ничем «не поражает ухо мира» (как сказано во входящей в тот же цикл Баратынского «Осени»). «Мой дар убог и голос мой не громок» – так сам поэт признавался себе и читателю в одном из стихотворений 1828 г. В письмах поэта мы находим свидетельства его творческих мук и сознания неудач, неудовлетворенность суею «забот юдольных» (женившись, Баратынский вскоре погрузился в многочисленные хлопоты по хозяйству в имениях Баратынских и Энгельгардтов и строительству нового дома в Муранове), мешающих сосредоточиться на чем-то действительно необходимом поэтической натуре: с начала 1830-х гг. в посланиях к друзьям Баратынский упоминает некоторые подробности создания произведений в эпическом и драматическом роде – «небольшая драма», «Жизнь Дельвига», «книга о Ломоносове», «эклетиический роман», повесть «Перстень» (из всего упомянутого только последняя увидела свет): «Я мало писал в прозе и сколько раз за нее ни принимался, всегда неудачно. Терпение мое истощалось на втором листе... Примусь за дело и попробую свои силы. Позвольте мне взяться за Ломоносова. Имея мало затейливости в уме, я думаю, что мне лучше удастся статья важная, нежели игривая» [Там же, с. 198] – из письма П. А. Вяземскому в ноябре 1830 г. Или, например, в письме И. В. Киреевскому в начале 1834 года читаем: «Начал писать мой роман, но дело идет мешкотно. Я отвык от работы, от долгого внимания. В мыслях моих нечто кочевое, отзыв жизни, которую я вел до сего времени. Вздыхаю по жизни более оседлой, по моей московской квартире, из которой ежедневно до 3-х часов не буду выходить ни на шаг и заставлю свой ум снова любить последовательность, постоянство в думах» [Там же, с. 252]. Эти «недосозданные», «недоношенные» создания Баратынского, несомненно, тоже стали прообразом «Недоноска» из «Сумерек», развивающегося в новом ключе ведущую тему цикла – тему ненужности поэзии «веку промышленных забот» и «черни злой», у которой «не найдет отзыва тот глагол, Что страстное земное перешел» («Осень»).

Можно прибавить к приведенному обоснованию «ипостасей» центрального образа также предложенную Л. Ю. Максимовым аллюзийную интерпретацию «недоноска», отсылающую читателя к «гомункулу» из «Фауста» Гете [6, с. 123]. В связи с образом «гомункула» возникает и довольно тесная ассоциативная связь «Недоноска» с образом поэта из стихотворения Баратынского «На смерть Гете» (1832 г.), только связь эта

по сути антонимическая, противопоставляющая силу познающего мир таланта, гармонию, царившую в душе немецкого гения, и бессильные потуги «ничтожного духа»:

... ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим...
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел...
И если загробная жизнь нам дана...
К предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит [2, с. 174-175].

Как нам удалось выяснить, первым, кто отважился использовать отнюдь не поэтическое слово «недоносок» в стихотворном жанре на русской почве был, по всей видимости, П. А. Вяземский – в отрывке «Байрон» (1824/27 гг.) в составе генитивной метафоры (= «не созревшее еще в душе художника творение»):

Так вспыхнуть из тебя оно было готово –
На языке земном несбыточное слово,
То слово, где б слились, как в верный отголосок,
И жизни зрелый плод, и жизни **недоносок**,
Весь пыл надежд, страстей, желаний, стройных дум,
Что создали мечты и ниспровергнул ум.
Что намекает жизнь и недоскажет время,
То слово – тайное и роковое бремя,
Которое тебя тревожило и жгло,
Которым грудь твоя, как Зевсово чело,
Когда им овладел недуг необычайный,
Теснилась под ярмом неразрешимой тайны [7, с. 178]!

Вполне очевидной поэтому кажется эксплицитно и имплицитно выраженная связь «Недоноска» с открывающим цикл «Сумерки» посвящением «Князю П. А. Вяземскому» (1834 г.), отсылающим нас, кроме того, и к уже упомянутому стихотворению Баратынского «На смерть Гете». Образ лирического героя посвящения предвещает скорое появление летающего над землей и наблюдающего за жизнью людей и природы «духа»:

Еще порою покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи мира облетаю
С тоскою жаркой и живой.
Ищу я вас, гляжу: что с вами [2, с. 178]?

Помимо Вяземского и Баратынского, «прозаизм» *недоносок*, и тоже только единожды, использовал А. С. Пушкин. К 1828 г. относится не законченный Пушкиным, не публиковавшийся до начала XX в., а потому современной автору читательской публике неизвестный отрывок «Уродился я, бедный недоносок...» [13, с. 95].

Стихотворение напоминает искусно стилизованную народную необрядовую песню – жалобу героя на свою несчастливую судьбушку:

Уродился я, бедный **недоносок**.
С глухих лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила.
Сударыня жена не приласкала [Там же].

Отрывок этот своим началом близок другой песне в «народном духе» – «Уродился я несчастлив, бесталанлив...», до сих пор вызывающей немало разногласий в оценке ее как результата пушкинской обработки фольклорного текста (автограф которой утрачен) или как оригинального произведения устного народного творчества, вошедшего в песенное собрание П. В. Киреевского (историю длинной дискуссии см. подробнее в статье А. Н. Розова [14]).

Очевидно, в силу маленького объема и «недовоплощенности» авторского замысла пушкинский отрывок «Уродился я, бедный недоносок...» не становился предметом специального рассмотрения, между тем даже всего пять строк этого текста уже заявляют читателю о ведущей теме несчастливой семейной жизни, брака, заключенного не по любви, а по меркантильным соображениям, отсюда – мотивы тяжелой неволи и безысходной тоски, жалобная, щемящая интонация написанного пятистопным хореем (с многочисленными перебивками, нарушающими монотонность фраз) нерифмованного, в традициях народной лирики, стиха. Лексема «НЕДОНОСОК», входящая в зачин пушкинского отрывка и занимающая подчеркнутую «сильную» позицию конца строки, интонационно выделяется в качестве обособленного приложения – самохарактеристики лирического героя. Однако если в пушкинском отрывке жалобная мольба, очевидно, сохранила бы свое мелодическое постоянство и при продолжении лирического сюжета, в соответствии с законами построения стилизованной под фольклорную «русской песни», то у Баратынского поначалу как будто бы спокойный и даже светлый рассказ «духа» сменяется по мере развертывания исповеди не просто жалобно-щемящими, но

надрывными нотами, таким образом, не только в семантике ключевого слова «НЕДОНОСОК», но и в интонационном движении стихотворения Баратынского обнаруживается «полифонизм» (в терминах М. М. Бахтина).

Согласно «Словарю русского языка XVIII века», «недоносок» – «ребенок или животное, рожденные преждевременно» [16, с. 169]. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля также представляет лишь прямое значение этого существительного [8, ст. 1335]. В пушкинском контексте представляется вполне возможным усмотреть контаминацию прямого и переносного (с бранной просторечной коннотацией – «о незрелом, отсталом в каком-либо отношении человеке») значений, при этом, однако, самоуничижительный смысл смягчается «жалостливым» эпитетом «бедный», который заочно сближает «Недоносок» Баратынского с пушкинским текстом (ср.: «Уродился я, бедный недоносок...» – у Пушкина и «Бедный дух!» – у Баратынского).

Смелость включения лексемы разговорного характера в поэтическую ткань у Пушкина обусловлена жанром «песни в народном духе» и целями фольклорной стилизации. Кроме того, языковая рефлексия Пушкина была устремлена к живым истокам родного слова, которое поэт черпал из устного народного творчества: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота ему более пристали»; «Изучение старинных песен, сказок и т.п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка» [1, с. 187].

Размышления о несчастливом насильственном браке, обычном на Руси среди представителей всех сословий, волновала Пушкина в эти годы, свидетельства чему мы находим не только в его художественных произведениях, но и в дружеской переписке. Так, в незавершенном и не озаглавленном в автографе «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833/35 гг.) Пушкин в главе «Браки» замечает: «Вообще несчастье жизни семейственной есть отличительная черта в нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание – или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный... Неволя браков давнее зло» [12, с. 197-198]. В письме к П. А. Вяземскому, написанном, кстати, сразу после получения Пушкиным известия о готовящейся свадьбе Е. А. Баратынского, адресант с иронией отзываясь о браке, в котором видит несвободу и потому препятствие вдохновению для поэта: «Правда ли, что Баратынский женится? Боюсь за его ум. Законная... род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит. Ты м.б. исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если еще лет 10 был холостой. Брак холостит душу...» [3, с. 414]. Наконец, заключим, что стихотворный отрывок 1828 года в контексте биографии самого автора воспринимается как смутное мрачное предчувствие жизненного финала, написанное за три года до собственной свадьбы.

У «поэта мысли» Баратынского, далекого от желания подражать «простонародным» русским песням, цель использования «прозаизма» «НЕДОНОСОК» была иная, чем у Пушкина: резко выбивающаяся из привычной традиционно-элегической фразеологии по своей коннотации лексема была призвана, наряду с другими в сб. «Сумерки», столкнуть «высокое» с «низким», «горнее» с «дольным», проповеднический пафос с ироническим, напомнив лучшие образцы русского поэтического барокко и классицизма, создать широкий круг «отсылок» к утраченным гениям – Ломоносову, Державину, Пушкину, к поэтам распавшегося дружеского круга (Дельвигу, Вяземскому), передать ощущение хаоса и дисгармонии, царящей в «стихиях бытия», отправить пронзительное поэтическое послание грядущим читателям.

Начало XX века – эпоха модернизма – характеризуется возрождением интереса к творчеству Е. А. Баратынского. Множество аллюзий, более явных или, напротив, скрытых отсылок к творческому наследию «поэта мысли» встречаем мы в стихах А. Блока (например, «Е. А. Баратынскому»). Один из членов акмеистского «Цеха поэтов» М. Зенкевич назвал свой сборник «Дикая порфира», вводя уже в заглавии реминисценцию – образ из стихотворения Баратынского «Последняя смерть». В Брюсов и А. Ахматова открывали свои стихотворения и поэмы эпиграфами из произведений Баратынского. Н. А. Заболоцкий, в юности с увлечением читавший Блока, Мандельштама, Ахматову, Гумилева и, возможно, через их рецепцию и литературное наставничество впитавший сложную метафорику Баратынского, в мучительных поисках собственного поэтического голоса прибегает к почерпнутому, очевидно, именно у «поэта мысли» образу в стихотворении «Белая ночь» из сб. «Столбцы». Только заспиртованный «недоносок» у Заболоцкого не парит «меж землей и небесами», как «дух» Баратынского, а мечтает о них («просится»). В стихотворении Заболоцкого представлено развернутое сравнение, устанавливающее образный параллелизм между белой петербургской (ленинградской) ночью и «недоноском» – младенчески безгрешным «ангелом» из Кунсткамеры:

Так недоносок или ангел,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса [9, с. 22].

В последующем Заболоцкий заменил первую строку концовки на стих «И ночь, подобно самозванке...», тем самым затушевав слишком бросающуюся в глаза читателю отсылку к тексту Баратынского и сняв подчеркнутый натурализм образа, одновременно усилив внутрискурсивную связь с заглавием. Однако зачин стихотворения («Гляди: не бал, не маскарад...») все равно оставляет для внешнего адресата открытой тонкую аллюзийную связь стихотворения Заболоцкого не только с лермонтовским «Маскарадом», но и с поэмой Баратынского «Бал».

Завершая размышления о семантике и образном функционировании лексемы «недоносок» в русской поэзии, отметим, что, при всех очевидных отличиях в индивидуальных картинах мира, воплощенных авторами в стихотворных миниатюрах, поэты Вяземский, Пушкин, Баратынский и Заболоцкий оказались заочно близки уже самим фактом образного использования этой «маргинальной» для русской поэзии «золотого и серебряного веков» лексемы и стремлением расширить смысловой объем и усилить эмотивную нагруженность «непоэтического» слова.

Список литературы

1. А. С. Пушкин об искусстве: в 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1.
2. Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. Л.: Сов. писатель, 1989. 464 с.
3. Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Современник, 1987.
4. Белинский В. Г. Стихотворения Е. Баратынского // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: АН СССР, 1955. Т. 6.
5. Бочаров С. Г. Поэзия таинственных скорбей // Баратынский Е. А. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1976. С. 268-287.
6. Воспоминания о Заболоцком. М.: Сов. писатель, 1984. 462 с.
7. Вяземский П. А. Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. 460 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 3.
9. Заболоцкий Н. А. Вешних дней лаборатория: стихотворения и поэма. М.: Молодая гвардия, 1987. 175 с.
10. Лебедев Е. Тризна: книга о Е. А. Баратынском. М.: Современник, 1985. 301 с.
11. Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Кн. 1. 526 с.
12. Пушкин А. С. <Путешествие из Москвы в Петербург> // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7.
13. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3. 558 с.
14. Розов А. Н. «Уродился я несчастлив, бесталанлив...»: об одной из «народных» песен Пушкина // Пушкин и мировая культура: материалы VIII Международной конференции (Арзамас, Большое Болдино, 27 мая – 1 июня 2007 г.). Арзамас: АГПИ, 2008. С. 309-314.
15. Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. 260 с.
16. Словарь русского языка XVIII века. М.: Наука, 2004. Вып. 14.
17. Сулемина О. В. Универсалия «страшного» и самоидентификация пушкинского лирического субъекта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 196-200.
18. Тойбин И. М. Тревожное слово: о поэзии Е. А. Баратынского. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. 486 с.

ПОЕМ “BASTARD” BY E. A. BARATYNSKII AND RUSSIAN POETIC TRADITION

Patroeva Natal'ya Viktorovna, Doctor in Philology
Petrozavodsk State University
nvpatr@list.ru

The author presents a new perspective on the literary and biographical sources of figurative system of the poem “Bastard” by E. A. Baratynskii, recreates the history of “prosaism” “bastard” existence in the Russian poetry of the XIXth-XXth centuries by the material of lyrical works of A. S. Pushkin, P. A. Vyazemskii and N. A. Zabolotskii; and analyzes the lexeme “bastard” from the point of view of copious associative potential and intertextual “halo” that form poet’s individual picture of the world.

Key words and phrases: lexeme “bastard”; Russian poetic tradition; “prosaism”; poetic vocabulary; allusion; reminiscence.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье анализируется генезис святочной прозы Н. С. Лескова, выделяются доминантные черты данного жанра, проводится комплексное сравнение с жанром рождественской повести Ч. Диккенса на уровне построения хронотопа, ключевых образов, символов и мотивов. Дается вывод о том, что рождественская проза предстает в святочном творчестве Н. С. Лескова прецедентным текстом на идейном уровне, объединяя оба жанра общей христианско-нравственной моральной направленностью.

Ключевые слова и фразы: Лесков; святочный рассказ; Диккенс; рождественская повесть; межтекстовые связи.

Першина Марина Андреевна

Марийский государственный университет
marja8362@mail.ru

ИДЕЙНО-НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ПОВЕСТИ Ч. ДИККЕНСА В СВЯТОЧНОМ РАССКАЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА ©

Отмечая существенный вклад Н. С. Лескова в развитие большинства жанров русской реалистической литературы второй половины XIX века, таких как роман, рассказ, хроника, «проложная» легенда, драма и публицистика, необходимо выделить важнейшую особенность поэтики писателя – интертекстуальность. Обращение к известным текстам мировой литературы (эпос, Библия, произведения Пушкина, Шекспира и др.), их «вечным» образам, «бродячим» сюжетам и жанрам репрезентирует ценностную ориентацию Лескова и через своеобразные элементы «игры с читателем» выявляет авторскую интенцию в повествовании.

Среди разнообразия малых эпических форм в творчестве писателя важное место занимают святочные рассказы, общее число которых насчитывает более двадцати произведений этого жанра. Уже с начала 1860-х годов обнаруживается интерес Лескова к «святочной» теме. Автор систематически вводит в ранние романы и повести